

Т. В. Краева

ПУТЕШЕСТВИЯ В «ВООБРАЖАЕМУЮ СТРАНУ»: ФРАНЦУЗСКИЕ ЛЕВЫЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ О СССР (20-е — СЕРЕДИНА 30-х гг. XX в.)

В период 1917 — середина 1930-х гг. общественная позиция представителей левой интеллектуальной культуры Запада оказалась в сильнейшей степени связана с Советским государством. Советская Россия — территория практической реализации революционного проекта — привлекала внимание представителей левой интеллигенции Франции. Конец 20-х — середина 30-х гг. — период постоянного паломничества французских интеллектуалов в СССР, среди которых были крупнейшие представители западной культуры: Р. Роллан, А. Барбюс, Л. Дюртен, Ш. Вильдрак, Ж. Дюамель, А. Мальро, Ж.-Р. Блок, А. Жид, Ж. Геенно, А. Шамсон и мн. др. Практически все исследователи отмечают, что все эти замечательнейшие писатели и истинные интеллектуалы выражали неподдельное восхищение достижениями страны социализма. В связи с этим возникает вопрос, что это: политическая слепота или сознательная поддержка сталинского режима?¹ Кроме собственно политических убеждений, ответ также кроется в существовании сталинской системы воздействия на представления, которая поддерживала пламенную веру в успехи социалистического государства.

Создание мифа о Советской стране было возможно в связи с тем фактом, что, по выражению Р. Медведева, «собеседники Сталина из левых кругов западной интеллигенции и сами очень хотели быть обманутыми»². Другими словами, еще до приезда в СССР в их представлениях уже сложился идеализированный образ Советской страны. Н. Я. Эйдельман этот фактор способности заранее идеализировать характеризует как «определенный тип западного просвещенного сознания, склонного либерализировать и демократизировать любых собеседников, стараться рассматривать любую цивилизацию (пусть неприемлемую для Запада) как естественную,

стремящегося к сопоставлению русской революции с английской, французской, американской»³. Кроме того, исторические параллели между Русской революцией и Великой французской революцией, стереотипы восприятия сквозь призму событий прошлого изначально оправдывали некоторые аспекты советского режима. Как писал Л. Маркузе о СССР, «из-за границы он кажется либо раем, либо адом, но не тем, что он есть на самом деле»⁴. Н. Я. Эйдельман подчеркивает, что «иностранный гость уже многое определил в Советской России, еще не ступив на ее землю»⁵. Таким образом, изначальное представление о Советском Союзе, еще не столкнувшееся с реальностью, стало благодатной почвой для того, чтобы умелыми механизмами эти иллюзии поддерживать и укреплять веру в превосходство СССР над западным миром.

Способы воздействия на представления западных интеллектуалов, с одной стороны, просты, а с другой — действенны, поскольку позволяли путешествовать по «воображаемой, а не реальной стране реального социализма»⁶. Создание иллюзии включало в себя посещение только тех учреждений и мест, которые были заранее запланированы советским руководством, беседы западных интеллектуалов с «ответственными товарищами» (круг лиц, общавшихся с зарубежным гостем, был ограничен политически благонадежными). Секретариат МОРП, Иностранная комиссия Союза советских писателей пристально следили за каждым шагом любого иностранного писателя, работа по организации пребывания в СССР продумывалась до мелочей. По сведениям Г. Б. Куликовой, «политбюро, например, решало, какого уровня прием (пышный или надлежащий, но не пышный) необходимо оказать приезжающему в страну государственному или общественному деятелю»⁷.

Например, во время пребывания в СССР писателя В. Маргерита было отдано распоряжение о наиболее тщательной работе с ним, поскольку он характеризовался как «трудный писатель». В частности, в день приезда писателя планировалось провести совещание с целью создания детальной программы работы с ним: «1) выясняется план его новой серии романов, 2) список объектов, с которым писателю следует познакомиться или которые следует изучить, 3) перечень лиц, с которыми следует писателю бе-

седовать, 4) маршрут его поездки, 5) документы, фото, различные сведения и материалы, которые следует собирать»⁸. Таким образом, западные визитеры могли видеть лишь то, что хотело показать им советское руководство, т. е. совершали путешествие в воображаемую страну.

В середине 20-х — середине 30-х гг. XX в. представления французских левых интеллектуалов об СССР сочетали в себе, с одной стороны, восхищение хозяйственными, материальными успехами Советской страны, но, с другой, не были лишены и благожелательной критики, связанной с ограничением духовной свободы и независимости мышления.

Среди достижений, отмечаемых французскими левыми интеллектуалами, значительное место занимают усилия СССР по модернизации. Сталинская индустриализация, по мнению французских левых, дает пример поразительных гигантских успехов в области материального производства. В поэме «Красный фронт» (1930) Луи Арагон, восхищенный лозунгом «Пятилетка — в четыре года!», рисует феерическую картину социалистического строительства в СССР:

Цветы из цемента, камелии камня,
Длинные лианы железа, пальмовые листья стали!
Кто мечтал о такой весне?
Гигантские подснежники встают на холмах.
Это — ясли, кухни на 25 тысяч обедов.
Дома, дома, как четырехлистный клевер,
Галстуками вывязываются дороги.
Над ванными комнатами подымаются зори.
Объявлен тысячью ласточек социалистический Май!⁹

Показатели производства стали, бетона, строительства зданий, выпуска техники воспринимались позитивно настроенными французами как гимн. Франко-бельгийский график Франц Мазереель, иллюстрации которого неизменно украшали книги большинства французских левых того времени, писал: «Каждый может ознакомиться с гигантскими успехами СССР. Возьмем индустрию: во многих отраслях ее СССР уже теперь принадлежит одно из первых мест как по качеству, так и по количеству продукции»¹⁰.

Не меньшее значение придается и политике коллективизации. В целом, СССР предстает в глазах французских левых как страна материально-технического прогресса, гигант индустрии. Вновь обратимся к поэме Л. Арагона, красочно воспевающей и возводящей в образные формулы символические элементы советской реальности:

Но уже девяносто процентов зерна в этом году
Притекло из марксистской ржи колхозов.
Новые чудища колосья жуют,
Над полями пылают знамена-маки.
Слово «безработица» исчезло здесь.
Бьет молот, шелестит серп.
Это ли молот? Это ли серп СССР?
Полон кузнечиков воздух СССР...
Суровы глаза революции СССР!
Сбит кулака обрез. СС —
Слово прекраснее музыки сфер. СССР!
Злаки, сталь — СССР, СССР!
Сплетены воедино молот и серп!
СССР, СССР, СССР!¹¹

Восхищение экономическими достижениями СССР вполне соответствовало особенностям тогдашней системы левых представлений: марксистский тезис о примате экономического базиса захватил даже таких, по выражению В. Е. Балахонова, «социалистов чувства», как Жорж Сименон, писавший в уповании на революционного Мессию, призванного спасти мир от буржуазной гибели: «Грядущий Христос будет не Богом, а экономистом»¹².

Другая особенность, которая фиксируется практически у всех французов, побывавших в СССР, связана со сферой ощущений и восприятий. Произведения французских левых интеллектуалов о СССР буквально наполнены ощущением молодости, энтузиазма и героического (в первую очередь трудового) пафоса новых людей в СССР. Непременным атрибутом этих произведений, как правило, является описание демонстраций, физкультурных парадов, шествий пионеров. Приезд в 1935 г. в СССР Люка Дюртена и Шарля Вильдрака широко освещался советской прессой. В интервью

для «Рабочей Москвы» Люк Дюртен отвечал: «Мне хочется вдохнуть воздух молодости вашей страны. Меня интересует ваша молодежь, ваш спорт. Удивительно, насколько все у вас пропитано молодостью»¹³. Эту же идею Л. Дюртен продолжает в книге «Мир под мышкой», повествующую о многочисленных путешествиях по всему свету, одна из глав которой («Острые усилия») посвящена СССР. Л. Дюртен рассуждает о масштабных свершениях советской власти, что же касается собственно восприятий, то здесь тот же момент молодости и энтузиазма советского общества. Л. Дюртен пишет: «Веселая, смелая, мыслящая молодежь СССР знает, куда идет! Часто мне кажется, что на ее долю выпало быть счастливой за всю нашу планету, быть молодой за всю нее!»¹⁴

Коллега Л. Дюртена и его спутник в путешествии Шарль Вильдрак испытывает схожее ощущение: «Москва полна бодрости, хорошего настроения, оптимизма»¹⁵. Вспоминая день 7 ноября 1929 г., проведенный им в Москве, Шарль Вильдрак поместил в «Эроп» (15 сентября 1936 г.) заметку «Седьмое ноября», где звучит то же впечатление. По материалам иностранной комиссии Союза советских писателей, «Вильдрак описывает демонстрацию, в которой он участвовал, поразившее его единство, бодрость, веселье всего народа — “строителя нового мира”, пленившие его песни. Вильдрака настолько потрясло все им виденное, что он даже заплакал слезами радостного волнения»¹⁶. Ромен Роллан, потрясенный удивительным энтузиазмом советского человека, отмечает в своем дневнике: «Главное впечатление, вынесенное мною из этого путешествия, связано с ощущением мощного прилива жизненных сил, молодости, плещущих через край... Невозможно поверить, что это единодушие продиктовано какой-нибудь инструкцией сверху»¹⁷. Для контраста можно привести замечание немецкого философа Л. Маркузе, способное внести скептическую нотку в многочисленные восторженные впечатления: он уловил в советском марше энтузиастов скорее мановение невидимой организующей силы: «Даже танцующие люди производят такое впечатление, словно веселье входит в определенный план»¹⁸.

Как уже отмечалось, восхищение французских интеллектуалов вызывали социальные преобразования и экономическое развитие

СССР, что же касается благожелательной критики, то она неизменно связана с представлениями о свободе и насилии в революции, образующими стержень мировоззрения европейских левых. Образ революции для них имеет прямую зависимость от представления о свободе. Даже если в этот период нельзя ставить знак тождества между двумя этими категориями представлений, то по крайней мере свобода является неперенным атрибутом и показателем революции и нового общества. Интеллектуалы подразумевают под свободой прежде всего независимость мышления и свободное творчество. По словам Жоржа Дюамеля, «революция — акт духа. Человек, отказывающийся от абсолютной свободы мысли, от права анализировать, перестает быть революционером»¹⁹.

Особенное, двойственное отношение к СССР породило соответственно и различные оценки степени свободы в СССР в официальных документах, с одной стороны, и в письмах и воспоминаниях о посещении Советской страны — с другой. На протяжении 30-х гг. публичные заявления французских левых интеллектуалов содержат высокие оценки степени свободы и даже свидетельства реализации всей полноты свободы в СССР. Достаточно привести некоторые примеры высказываний о СССР, посвященных 20-летию Октябрьской революции. В Приветствии к двадцатилетию Октябрьской революции Ромен Роллан заявлял: «Вы, советские товарищи, подняли факел, выпавший из наших рук, и в руках вашего великого Ленина, разжегшего пламя, свет свободы засиял на весь мир»²⁰. По словам Андре Вюрмсера, «это не столько 20-летний Юбилей Освобождения, сколько 20 лет все возрастающей свободы»²¹. Характеризуя основные черты, присущие СССР, в своей работе «Основные достижения СССР» Люк Дюртен отмечал: «Но особенно я хочу подчеркнуть третью черту, наиболее характерную для СССР, — это освобождение человека от прежних цепей; подлинная свобода человека, а это важнее всего»²². Список подобных деклараций можно продолжать бесконечно.

Несомненно одно — подлинное стремление французских левых отыскать в стране Советов большую свободу по сравнению с буржуазным обществом. В своей статье «Разговор с друзьями» (после посещения СССР) немецкий философ Людвиг Маркузе

точно подмечает, что западно-европейский писатель заезжает в СССР в поисках свободы, потерянной им на родине²³.

Созданный в представлениях образ революции, неотделимый от понятия свободы, все возрастающей в социалистическом обществе, корректируется, соприкасаясь с реальной действительностью, увиденной в СССР. Главный вопрос, который ставят французские левые интеллектуалы, состоит в том, почему, когда позиции советского строя очевидно столь прочны, ограничения свободы, объяснявшиеся прежде теорией внешних и внутренних опасностей для революции, не только сохраняются, но даже усиливаются. Как представителей среды, в первую очередь творческой, французских интеллектуалов раздражало нагнетание цензуры в советском обществе.

В книге «Путешествие в Москву» (1927) Жорж Дюамель отмечает скованность советских писателей в тисках цензуры, которой подвергаются наиболее зрелые и известные писатели. По его мнению, подобная мера не оправдывает себя, поскольку революция прежде всего связана с идеей свободного творчества, которое является ее естественным завоеванием. Французский писатель отмечает, что он, как и другие в СССР, вынужден был отдавать на просмотр свои лекции, что его отнюдь не обидело, но привело к сомнениям в полноте реализации извечной мечты революционера о всеобщей и полной свободе. Ж. Дюамель обращается к вопросу о необходимости и правомерности подобных мер в государстве, которое, по его мнению, уже достаточно сильно в своей политической, экономической, социальной основе. «Русская революция, — пишет он, — имеет такую твердую опору в своем историческом опыте, что теперь она может без особого страха несколько ослабить поводья, дать простор аналитическому рассудку — единственному залогоу успехов настоящих и длительных... Русская революция достаточно сильна, чтобы не перенимать худшие грехи сброшенного ею режима. Надо прежде всего отменить цензуру, и тогда — но только тогда — разум будет открыт сотрудничеству свободному и дружественному»²⁴.

Тему свободы в СССР продолжает Люк Дюртен. В книге «Другая Европа. Москва и ее вера» (1928) Л. Дюртен сформули-

ровал мысли, которые ему хотелось бы высказать советским руководителям, и прежде всего А. В. Луначарскому, касающиеся проблемы контроля за интеллектуальной деятельностью советских граждан: «Вы создаете себе славу тем, что открываете перед всеми строго ортодоксальный путь. Некоторые двигаются до конца узкой дороги и несомненно находят там свое вознаграждение. Но умы наиболее свободные, те, которые вы должны подчинить, остановятся ли они у границ, которые вы им навязываете?»²⁵. Более того, Л. Дюртен видел опасность в подобного рода мерах для самой устойчивости советской системы, приводя в пример опыт европейских стран: «Религиозное воспитание, которое познал Запад, породило антиклерикалов. Остерегитесь, как бы лучшая часть этой молодежи, если вы будете слишком опекать ее, неблагодарно не развернулась против вас!»²⁶

В предисловии к книге В. Познера «СССР» (1932) Л. Дюртен высказывает свои мысли еще более определенно: «Действие ограничено известными пределами. Жесткая советская репрессивная система не терпит никакого политического отклонения: монополия государства на выражение мысли делает устное и письменное высказывание привилегией самого узкого конформизма. (Самокритика, практикуемая газетами, касается лишь некоторых деталей практического свойства.)»²⁷. Таким образом, идея об оправдании необходимости ограничения свободы в советском обществе внутренними и внешними опасностями для существования революции, получившая распространение в 1917 — середине 1920-х гг., теперь не только исчерпала себя, но, с точки зрения французов, создает новую угрозу. Л. Дюртен повторяет положения, уже звучавшие у Ж. Дюамеля: «Конечно, борьба диктовала свои законы десять лет назад. Но разве теперь советская власть не установилась в России так прочно и глубоко, что любое правительство на всех пяти континентах может только ей позавидовать? По правде говоря, такому крепкому торсу пошло бы милосердное лицо»²⁸.

Категория свободы является центральной для французских левых деятелей культуры и в случае успешной реализации революции на Западе. В данный период, по мнению большинства интеллектуалов, ограничение свободы не может быть оправдано, но

революция, наоборот, должна превозносить свободу в качестве ее главного достижения, тем более в Европе, где на пути достижения свободы сделаны существенные шаги. В письме французского поэта, прозаика и драматурга Жюль Ромена в «Комедиа» (декабрь 1935) делается следующий вывод по указанной проблеме: «Свободу духа надо спасти, надо сохранить или снова завоевать всюду, где ее надо спасать или опять завоевывать (даже у нас предстоит завоевывать многие формы независимости духа). Россия, по-видимому, еще не обрела своего равновесия в этом существеннейшем вопросе. Я от всего сердца желаю, чтобы у нас новый строй сумел установиться, не принося в жертву, хотя бы временно, свободу духа. Вот в чем должно быть чудо Запада, его защита, а не в том, чтобы сохранять материальное преимущество и защищать насилие и несправедливость»²⁹.

Таким образом, советский опыт отнюдь не вызывает полного одобрения у французских левых, более того, на Западе его копирование исключается, поскольку категория свободы — важнейшая характеристика в представлениях левых европейцев, ограничение которой ставит под сомнение необходимость самого революционного процесса и его результатов. Французские левые достаточно четко осознавали, что советская система не может быть воспринята благожелательно в странах Запада именно потому, что индивидуальное понимание, критическое мышление и независимость суждения не поощряются советским руководством в реальности, несмотря на призывы к самокритике сверху.

Очень показателен в этом смысле пример, связанный с откликом на книгу А. Жида «Возвращение из СССР». Книга А. Жида, написанная по его возвращении из СССР и содержащая критику советской действительности, вызвала яростные нападки с советской стороны и со стороны французской коммунистической партии. Коллеги А. Жида, как беспартийные, так и коммунисты, оценивали ее по-разному — от «акта мужества» до «клеветы». В этой ситуации важно обратить внимание не столько на само содержание этих суждений о книге и личности А. Жида, сколько проанализировать, как расценивали реакцию советского руководства представители французской левой мысли.

Жюль Ромен, который редко высказывался по острым общественно-политическим вопросам, представляет интересную позицию, которой придерживалось немало интеллектуалов. Книга А. Жида, по его мнению, продемонстрировала час испытания для проверки свободы суждений в СССР. Налицо противоречие: с одной стороны, «коммунисты часто обижались, что их обвиняют в отсутствии уважения к независимости духа. Они не могли не знать, что их методы решительно не приемлют многие европейцы Запада. Коммунисты утверждали не раз, что даже суровая критика — благо для партии, если только она не предвзятая, не возведена в систему»³⁰, а с другой стороны, проявление критики со стороны А. Жида повлекло за собой обвинение в клеветничестве и гневные обличительные речи. В связи с этим Жюль Ромен задается вопросом: «Можно ли надеяться на успех дела коммунизма, если зрителям подобного спора показывают весьма красноречиво: присоединиться к коммунизму — значит залезть в мешок, не имея возможности пошевелить ни рукой, ни ногой?»³¹ Подобные высказывания свидетельствуют о неприемлемости такого строго ограниченного пути для французских левых, которые в качестве показателя успешной реализации революции выделяют такую категорию, как свободное творчество. С другой стороны, по выражению Люка Дюртена, «наихудшая опасность для любого режима — абсолютный конформизм, который привел бы самую пламенную веру людей к узости Ислама»³².

Позиция благожелательной критики состоит в том, что, критикуя отдельные стороны советского режима, в принципе французские левые придают величайшее значение самому факту успешного свершения революции. В связи с этим, как и прежде, возникают различные объяснения деформации в реальности завоеваний Октября. Особый интерес представляет теория, которая объясняет доминанту насилия и ограничения свободы историческим прошлым России. Вне зависимости друг от друга ряд французских интеллектуалов высказывают схожие мысли об исторической преемственности и взаимосвязи дореволюционного полицейского государства и нового общественного строя. Вообще тема старой и новой России занимает значительное место в творчестве французских

левых писателей, появляется все больше интереса к сущности славянской души (в отличие от предыдущего периода, когда акцент делался на появлении нового человека с коммунистической моралью). Наиболее последовательно проблема старой и революционной России нашла отражение в работах Жана Геенно, Люка Дюртена и Жоржа Дюамеля. Если рассматривать их идеи в совокупности, то можно выделить в качестве общих аспектов следующие моменты:

1) идея преемственности старой и новой России (в отличие от периода 1917 — середины 1920-х гг., когда новая Россия рассматривалась как освобождение от оков прошлого, ее полная противоположность);

2) объяснение применения насилия и преследования свободы суждений в СССР долгой историей террора в старой России;

3) преодоление недостатков советского общества через осознание исторической сущности России.

Авторы отмечают, что рассматривать новую Россию вне ее исторического прошлого было бы ошибкой. Чтобы понять Россию революционную, нужно обратиться к древним, глубинным пластам, осознать особенности русского характера, поскольку «русский народ — явление гораздо более значительное, чем свершенная им Революция. Россия выходит за границы своей собственной революции, можно даже сказать, что Россия “окружает” Революцию, хотя это не значит, что она не мечтает ее распространить»³³. Революция изменила внешнюю и внутреннюю сущность России, создала новую культуру, материальные, технические условия жизни людей, но по-прежнему в самоощущении людей доминируют старые основы, которые выражаются в особенностях поведения и привычках, главным образом — в вековой привычке подчинения. Ж. Дюамель подчеркивает, что «русский человек гораздо шире и бесконечнее, чем большевик»³⁴, глубокой же революции, изменившей существо славянской души, еще не произошло. Автор замечает, что революции нет еще и десяти лет, бескрайняя же Россия стара, как легенда, со своими извечными недостатками. Осознание этого, по мнению французского писателя, ведет к необходимости внутренней борьбы со своей собственной старой сущностью: «И раз Россия вычерчивает далекие перспективы и берет на себя

серьезные обязанности, раз она начала дело, требующее высочайших добродетелей, можно сказать, что теперь ее главный враг — она сама»³⁵.

Старая Россия, по мнению французов, определила особый характер русской революции. В качестве причин насильственного применения власти и удушения в СССР свободы выдвигаются идеи об их закономерности в соответствии с историческим прошлым старой России: русскому народу нелегко избавиться от своего тяжкого наследия. Жан Геенно в статье «Напрасная смерть» делает следующий вывод: «Что кажется правдивым, так это то, что есть климат русской революции, и, возможно, этот климат не может быть другим. Он определился долгой историей террора и крови... Бездна борясь против полицейского государства, революция очень часто была вынуждена занимать у него полицейские меры»³⁶. В качестве примера Жан Геенно упоминает процессы петрашевцев, нечаевцев, долгушинцев и другие, которые создали своеобразную атмосферу насилия, которую переняла и взяла на вооружение революция. Такое же видение проблемы высказывает Люк Дюртен: «Подобное злоупотребление властью существовало на русской земле и в прошлом, до революции. Наследие прошлого, которое будущее должно было отринуть»³⁷, революция не сумела изжить, что его возмущает.

Проводя параллель между климатом революции во Франции и в России, Жан Геенно подчеркивает, что «климат Революции стал у нас климатом свободы, и возможности Революции — самими возможностями свободы... А если вернуться к России, давайте посочувствуем великому народу, которому надо пройти через покушения, процессы, расправы, может быть, неизбежные, для которого была более тяжелой, чем для кого-либо другого, дорога свободы»³⁸.

Таким образом, прослеживается эволюция от представления об оправданности насилия теорией внутренних и внешних опасностей для революции до представления об укорененности террора и особой роли насилия, присущих историческому прошлому России. В качестве точно подмеченной черты свободы в СССР хотелось бы привести слова Людвига Мар-

кузе, которые, на наш взгляд, характеризуют позицию значительной части европейских интеллектуалов: «Есть ли там на востоке Свобода, как мы ее понимаем? У них, как мне кажется, своя, не наша Свобода»³⁹.

Таким образом, несмотря на попытки создания идеального образа СССР, французским левым интеллектуалам удалось уловить отдельные деформации сталинского режима, даже путешествуя по «воображаемой» стране. Между тем критика советских порядков не выходила за рамки благожелательности. Французские левые, несмотря на явные душевные метания и сомнения, все-таки не высказывали публичного осуждения, поскольку за опытом социалистического строительства им представлялось величайшее будущее.

¹ См.: Айелло М. Очарованные странники // За рубежом. 1994. № 4. С. 22.

² Медведев Р. Писатели Европы на приеме у Сталина // Свободная мысль — XXI. 2002. № 9. С. 107.

³ Эйдельман Н. Я. Гости Сталина // Лит. газ. 1990. 4 июля.

⁴ РГАЛИ, ф. 631, оп. 11, д. 633, л. 266.

⁵ Эйдельман Н. Я. Указ. соч.

⁶ Айелло М. Указ. соч. С. 22.

⁷ Куликова Г. Б. СССР 1920—1930-х гг. глазами западных интеллектуалов // Отеч. история. 2001. № 1. С. 5.

⁸ РГАСПИ, ф. 541, оп. 1, д. 27, л. 4 об.

⁹ Арагон Л. Красный фронт. М., 1932. С. 11.

¹⁰ РГАЛИ, ф. 631, оп. 11, д. 633, л. 88.

¹¹ Арагон Л. Указ. соч. С. 11.

¹² Сименон Ж. Я диктую: Воспоминания. М., 1984. С. 281.

¹³ РГАЛИ, ф. 998, оп. 1, д. 3394, л. 17.

¹⁴ Там же, ф. 631, оп. 14, д. 726, л. 248.

¹⁵ Там же, ф. 998, оп. 1, д. 3394, л. 17.

¹⁶ Там же, ф. 631, оп. 14, д. 726, л. 247.

¹⁷ Цит. по: Эйдельман Н. Я. Указ. соч.

¹⁸ РГАЛИ, ф. 631, оп. 11, д. 633, л. 267.

¹⁹ Диалог писателей: Из истории рус.-фр. культур. связей XX в., 1920—1970 гг. М., 2002. С. 175.

²⁰ РГАЛИ, ф. 631, оп. 11, д. 633, л. 93.

²¹ Там же, л. 141.

²² Там же, л. 78.

²³ См.: Там же, л. 269.

- ²⁴ Диалог писателей... С. 190.
²⁵ Там же. С. 204.
²⁶ Там же.
²⁷ Там же. С. 206.
²⁸ Там же.
²⁹ РГАЛИ, ф. 631, оп. 14, д. 726, л. 26.
³⁰ Диалог писателей... С. 299.
³¹ Там же.
³² Там же. С. 207.
³³ Там же. С. 189.
³⁴ Там же. С. 188.
³⁵ Там же. С. 191.
³⁶ Там же. С. 247.
³⁷ Там же. С. 206.
³⁸ Там же. С. 249.
³⁹ РГАЛИ, ф. 631, оп. 11, д. 633, л. 268.

Т. П. Нестерова

ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ «НОВОГО ОБЩЕСТВА»: ИТАЛЬЯНСКИЙ ОПЫТ 1920—1930-х гг.

Любой тоталитарный режим требует формирования новой интеллектуальной элиты. Режиму нужны собственные интеллектуалы, те, кто будет обосновывать преимущества нового режима и доказывать нежизнеспособность и никчемность его противников, воспитывать новых достойных граждан идеального общества. Даже в теоретических построениях писателей и философов-утопистов, создававших проекты идеального государства и общества, характерным является чрезмерное значение, которое придается идеологической сфере, контролю над образованием и воспитанием, единомыслию граждан. Соответствующее «правильное» воспитание позволяет гарантировать стабильность общественной системы, и действующие в тоталитарном государстве детские и молодежные организации предназначены для общественного воспитания